

А.С. Карпова

Реализация мифологического сюжета о Пигмалионе в русской литературе первой половины XIX века

Статья посвящена изучению социальных и художественно-эстетических причин востребованности сюжета о Пигмалионе и Галатее в русской литературе XIX века. Особый интерес к этому мифологическому сюжету был обусловлен его связью с проблемой творческого начала в человеке, самовоспитания и воспитания «другого». Миф, как показано в статье, призывал к оживлению фантазии художника, к творчеству, символизировал жизненное пробуждение ото сна.

This article is devoted to research of social and artistic aesthetic reasons of the demand for the plot about Pygmalion and Galatea in the XIX century's Russian literature. A particular interest in this mythological plot was caused by its connection with the issue of human creativity, self-cultivation and cultivation of another person. The myth, as shown in the article, called for revival of the artist's imagination and creativity, symbolized life awakening after sleep.

Ключевые слова: русская литература XIX века; миф; миф о Пигмалионе; мифопоэтика.

Keywords: Russian literature of the XIX century; myth; myth about Pygmalion; mythopoetic.

Мифологический пласт в литературных текстах, созданных в эпоху, когда, казалось бы, произошел окончательный разрыв с архаикой, в последнее время неизменно и справедливо привлекает внимание учёных. Всё чаще говорится о том, что реалистическая эстетика не потеряла связи с такими глубинными структурами, как миф, и что мифологическое мышление в литературе не исчезло, утвердившись там ещё на этапе романтизма, начавшего «освоение мифа как эстетического феномена» в плане последовательного его использования «на всех уровнях художественной системы (жанр, стиль, поэтика)» [17: с. 4]. К тому же существовали мифологические сюжеты, ёмко отражающие философско-эстетические и социально-нравственные запросы общества.

Одним из таких популярных «сюжетов» в мировой литературе является миф о Пигмалионе и Галатее. Греческий вариант мифа¹ стал востребованным в литературе ещё в XVIII веке (пьеса Ж.-Ж. Руссо «Пигмалион»), затем распространился в XIX веке (поэзия Е.А. Баратынского, А.А. Дельвига, А.А. Фета, Я.П. Полонского, проза И.А. Гончарова и А.В. Дружинина, И.С. Тургенева, А.И. Куприна, жизнетворчество Н.Г. Чернышевского)², в XX столетии (пьеса Б. Шоу «Пигмалион», рассказ Ю. Никитина «Пигмалион», рассказ А. Бестера «Прекрасная Галатеея», комедия М. Казовского «Новый Пигмалион», рассказ О. Ларионовой «Планета, которая ничего не может дать», пьеса Тауфика аль-Хакима «Пигмалион») и в начале XXI века (цикл рассказов Ю.В. Буйды «У кошки девять смертей», роман В. Семенова «Эффект Пигмалиона»).

Остановимся на структурных элементах сюжета о Пигмалионе, которые были востребованы литературой XIX века.

Во-первых, героиня оказывалась, как правило, юным созданием, и была внешне схожа с холодной белоснежной каменной статуей; герой уподоблялся скульптору, «ваял» свою спутницу, а в результате обычно влюблялся в своё «произведение». Примечательно, что в литературе середины XIX века Пигмалион и Галатеея нередко менялись ролями: женщина оказывалась творцом, пробуждающим к жизни апатичного мужчину. Сюжет о Пигмалионе проявлялся в *мотивах камня, статуи, статуарности, скульптурности* [16: с. 408] как героини, так и героя.

Во-вторых, литературная Галатеея XIX века обладала чертами героинь романов Жорж Санд. У французской писательницы женщина оказывалась на особом пьедестале. По свидетельству Ф.М. Достоевского, её героини «представляли собою тип <...> высокой нравственной чистоты <...> жаждали жертв, подвига» [4: т. 13, с. 193]. *Жоржсандовские мотивы* соединялись с сюжетной линией мифа и подчинялись отчасти социальной задаче реализации в литературе женского вопроса: просвещения и эмансипации женщины и общества³.

В-третьих, это вытекающий из вышеперечисленного *мотив жертвенности* героини, которая стремилась перенять функции Пигмалиона: в порыве оживить супруга, пробудить в нём интерес к жизни героиня шла на самопожертвование. Этот мотив акцентирует главенствующее положение мужчины

¹ Напомним его основное содержание. Кипрский царь Пигмалион, обладающий даром искусного ваяния, вырезал из слоновой кости прекрасную женскую статую и нарёк её Галатеей. Он полюбил своё создание и пожелал его оживить, так как ему казалось, что никто из живущих не сравнится по красоте с его скульптурой. Пигмалиону помогла Афродита, которая ему покровительствовала. Она совершила чудо: превратила статую в царицу Кипра. Миф о Пигмалионе призывал к оживлению фантазии творца, что метафорически выражалось в пробуждении от окаменения, но также заключал в себе мысль о значимости руководства по жизни.

² Проблема реализации данного мифа в художественных текстах XIX века затрагивается в работах Г.П. Козубовской «Середина века миф и мифопоэтика» [14], А. Молнар «Поэтика романов И.А. Гончарова» [15], Л.А. Ходанен «Миф в творчестве русских романтиков» [17].

³ О жоржсандовских мотивах в русском романе в свете вопроса эмансипации семьи см.: [12].

в социуме, однако указывает и на гендерные изменения, в результате которых обществу предстояло по достоинству оценить созидательную роль женщины.

В-четвертых, Пигмалионом зачастую оказывался человек искусства и давал о себе знать *мотив творчества*. Это актуально и для женщины-Пигмалиона, но её талант раскрывался только в процессе воспитания ею любимого человека как осуществления идеи о ценности сотворчества.

Для мифа о Пигмалионе с *мотивом творчества (художника в широком смысле слова)* неразрывно связаны основополагающие *мотивы красоты и любви*, поскольку их силой из безжизненного материала создаётся прекрасное.

В литературе одним из первых обратил внимание на древнегреческий сюжет о Пигмалионе Ж.-Ж. Руссо в одноактной лирической пьесе в прозе «Пигмалион» (1762). Вдохновение Руссо черпал из «Метаморфоз» Овидия, где и был изложен этот древнегреческий сюжет⁴ [5]. Французское искусство XIX века активно воссоздавало данный миф: он нашёл своё выражение в опере-балете Ж. Рамо «Пигмалион» (1748), в живописи Ф. Буше («Пигмалион и Галатеея», 1767), в скульптуре М. Фальконе («Пигмалион и Галатеея», 1763).

Идея Руссо антропоцентрична: история его Пигмалиона доказывает, что не только Богу дано создавать совершенное, но есть и человек, наделённый даром воплощать красоту. Французский мыслитель, совпадая с романтиками в стремлении опереться на древнегреческую мифологию, подчёркивает актуальность темы художника во все времена. У Руссо Галатеея, созданная силой фантазии, оживает и свидетельствует о существовании рукотворного идеала. *Мотив творчества* и образ художника здесь — основное, ведь Пигмалион с пробуждением статуи обретает себя, он любит в Галатеее именно себя: «...я обожаю себя в том, что я создал... Нет, никогда в природе не появлялось ничего более прекрасного; я превзошел творения богов...» [9: т. 1, с. 507].

Образ творца, созданный Руссо, повлиял на бытование данного сюжета в русской литературе, что сказалось к концу XVIII века: в переходные эпохи «античный сюжет о Пигмалионе актуализируется в качестве эстетической концепции, определяющей роль идеала в акте художественного творчества», как справедливо отмечает А.В. Зезюлевич [13: с. 513].

Одним из первых русских литераторов, заинтересовавшихся вечным сюжетом об оживающей статуе, стал поэт и драматург В.И. Майков⁵, воплотивший его в своей музыкальной драме «Пигмалион, или Сила любви» (1779). Пигмалион Майкова не только силой воображения, но и силой любви пробуждает статую. Таким образом, писатель развивает идею Руссо, концентрируясь на области чувств, что связано с укоренением сентиментализма. То есть сюжет о Пигмалионе подвергается в отечественной литературе своей «кодификации» [13: с. 514] и получает вектор развития, отличный от Руссо.

⁴ Во Франции по этой книге преподавали латинский язык.

⁵ Далее везде упоминается русский поэт и драматург В.И. Майков (1728–1778).

Скульптурный миф, частью которого является миф о Пигмалионе, привлекал русских романтиков, таких как Е.А. Баратынский («Скульптор», 1841) и А.А. Дельвиг («Изобретение ваяния», 1825–1829?).

Поэзия Дельвига на всех этапах была связана с пластическим стилем [17: с. 175–187], который выбирает поэт для погружения в античность в своих идиллиях. Уже в ранних стихотворениях лицейского периода Дельвиг часто обращается к мифологической теме: «Стихи на рождение В.К. Кюхельбекера» (1813), «К К<нязю Горчакову>» (1815), «На смерть Державина» (1818), «Купидону» (1819 или 1820), «Надпись на статую флорентийского Меркурия» (1819 или 1820), «К Е.А. Кильштетовой» (1818).

Наиболее полно данный миф воплотился в идиллии «Изобретение ваяния». Поэт не обращается напрямую к мифу о Пигмалионе и Галатее, но ключевой в идиллии является тема художника и сотворение им прекрасной скульптуры. Дельвиг воспеваёт божественную сущность искусства, дар художника. Юный скульптор из мёртвой глины создаёт живое подобие живого оригинала — Хариты, в которую он безответно влюблён: «Ликидас, всеми любимый, был презрен единой пастушкой, Злою Харитой, которою он безрассудно пленился!» [3: с. 133]. Всё происходящее в идиллии представлено как чудо: «Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!» [3: с. 133]. Чудесное здесь заключается не только в помощи богов, но и в том, что скульптор не простой творец, а влюблённый художник.

У Баратынского же в стихотворении «Скульптор» (1841) всё начинается с мотива творческого преображения камня художником: «Глубокий взор вперив на камень, // Художник Нимфу в нём прозрел...» [1: т. 1, с. 226]. Поэт развивает тему художника и любви: миф, любовь и творчество у поэта неразрывно связаны в идее великой созидательной силы искусства. В конечных строках «Скульптора» дана ситуация ответной реакции Галатеи — это итог стараний скульптора: отклик, к которому стремится творец. Только так свершится «победа», а скульптор явит себя «мудрецом».

Мотив скульптурности звучит и в стихотворениях А.А. Фета «Кусок мрамора» (1847) и «Влажное ложе покинувши...» (1847). В первом творец создаёт произведение искусства из камня: «Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой начатый мрамор; // Тщетно пытливая мысль хочет загадку решить: // Что одевает кора грубо изрубленной массы? // Ясное ль Тита чело, Фавна ль изменчивый лик, // Змей примирителя жезл, крылья и стан быстроногий, // Или стыдливости дев с тонким перстом на устах?» [11: т. 1, с. 137], где читатель — свидетель тайны замысла художника, его творческих исканий.

Во втором стихотворении поэт обращается к мотиву красоты, развёрнутому с помощью мифа о Пигмалионе: «Юношу он на траве увидал: белоснежные члены // Были раскинуты... // ...и белые формы на тёмной // Зелени трав благовонных во всей полноте рисовались; // Весь был разодран хитон, округлые бёдра белели, // Будто бы мрамор, приявший изгибы из рук Праксителя...» [11: т. 1, с. 136].

Скульптурный миф здесь воссоздаётся на контрасте мёртвого «мрамора» тела юноши и живой зеленеющей природы — «трав благовонных». Как отмечает Г.П. Козубовская, «очевидна смена представлений о мифе — от мифа, осмысленного как культура, к мифу, осмысленному как органика, природа» [14: с. 92].

К теме художника также обращался Я.П. Полонский. В стихотворении «Статуя» (1841) лирический герой вспоминает былое величие Эллады, глядя на мрамор статуи, пробуждающей в его душе, как у Пигмалиона, желание творить: «Чтобы с утренним первым лучом // В мертвый мрамор ударить резцом, // благородным и резким чертам // Уловленную мысль передать // И чредою грядущим векам // Все, что было завещано нам, // В первобытной красе завещать!» [7: т. 1, с. 30]. Повторение момента переживания художником творческого подъёма под влиянием искусства античности («Помню я, как...») — своеобразный залог духовного единства времён.

В «Весталке» (1849) Полонский актуализирует миф о Пигмалионе с помощью мотива сна: «это и экскурс в прошлое героини, это и начало зарождающихся сомнений в необходимости служения кумиру, это и “пробуждение” сознания, это и зреющее подспудное решение» [14: с. 57]. Поэт развивает мотивы творчества, любви и красоты, но дополняет их мотивом жертвенности героини, что характерно в целом для литературы того периода: Полонский «сталкивает живое и мёртвое (статуя богини — символ мёртвого), овеществляя, материализуя внутренний конфликт героини, заключающийся в противоречии женской природы и мёртвой догмы — долга, искажающего эту природу» [14: с. 61]. Его интересует героическая личность, которую он находит в античном мире, в данном случае это женщина, приносящая себя в жертву ради любви, не желающая страдать от несчастливого семейного союза: «Потухни, жертвенник, как это пламя страсти // Потушит завтрашня казнь!» [6: т. 1, с. 170–175]. Судьба самого литератора напоминает миф о Пигмалионе, что выразилось в отношениях писателя с его второй женой (см.: [14: с. 61]).

В рассказе Полонского «Статуя весны» (1862) также встречается этот сюжет. Он вовлечён в проблематику «отцов» и «детей»: мальчик Илюша обделён вниманием со стороны отца и потому живёт в воображаемом мире, в котором он влюбляется в белоснежную гипсовую статуэтку богини Весны: «статуя Весны, с своим античным профилем, была, так сказать, его маленьким кумиром» [8: с. 15]. По неосторожности Илюша разбивает статую, желая её поцеловать, после чего у него начинаются видения, он тяжело заболевает, но в итоге выздоравливает. Его отец работал день и ночь, чтобы «оставить по себе достойный памятник» [8: с. 3], позабыв, что его главным трудом, статуей, над которой должно было трудиться, являлся его маленький сын. Думается, для Полонского была важна мысль о взаимодействии творческой фантазии с действительностью, а также об ответственности человека за свою жизнь, которую нужно рассматривать как труд и творчество, что характерно в целом для прозы 1860-х годов.

Сюжет о Пигмалионе нашёл своё отражение и в романе И.С. Тургенева «Накануне» (1860). Один из персонажей романа, скульптор Шубин, видит и оценивает мир с эстетической точки зрения, мыслит категориями искусства: «<...> у болгар характерное, скульптурное лицо; вот оно теперь хорошо осветилось...» [10: с. 52]. Фамилия героя также не случайна и должна напоминать читателю об известном русском скульпторе. Шубин талантлив, он чувствует красоту, но уловить её в природе не может. В его представлении, красоту мира способна передать только женщина, и жизнь героя превращается в постоянный поиск красавиц, получающий в романе ироническую окраску. Шубин-художник находит идеал в образе Елены, чьё имя отсылает нас в античные времена Трои. «Статуарность» героини напоминает также Галатею: «В начале романа она — статуя, которой любуются, молчаливо соперничая друг с другом, окружающие её мужчины...» [14: с. 155]. После смерти Инсарова Елена становится «окаменевшей», что замыкает сюжет об оживающей статуе.

Интерес к мифу о Пигмалионе не ослабевал и в последующие десятилетия, так как он затрагивал насущное: отношения художника и эстетического идеала, но позволял каждой эпохе выявить в общем то неповторимое, что было свойственно именно ей. Свои мотивы обращения к мифологическому сюжету о Пигмалионе были в русской литературе середины XIX века, которая ставила перед собой задачу пробудить общество, предложить иные, свободнотворческие, отношения внутри семейного союза и описать новые возможности созидательного участия одного человека в жизни другого.

Библиографический список

Источники

1. Баратынский Е.А. Скульптор («Глубокий взор вперив на камень...») // Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1936. С. 226.
2. Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1952–1955. 576 с.
3. Дельвиц А.А. Полн. собр. стихотворений. М.–Augsburg: Im Werden–Verlag, 2002. 164 с.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 13. Л.: Наука. Ленинград. отд., 1994. 544 с.
5. Публий Овидий Назон. Метаморфозы. М.: Худож. лит-ра, 1977. 431 с.
6. Полонский Я.П. Весталка // Полонский Я.П. Полн. собр. стихотворений Я.П. Полонского: в 5 т. Т. 1. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. С. 170–175.
7. Полонский Я.П. Статуя // Полн. собр. стихотворений Я.П. Полонского: в 5 т. Т. 1. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. С. 30.
8. Полонский Я.П. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 4: Повести и рассказы. СПб.: Изд.-е Ж.А. Полонской, 1896. 582 с.
9. Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961. 852 с.
10. Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 3. М.: Худож. лит-ра, 1976. 389 с.
11. Фет А.А. Собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1839–1863 г. / Под общ. ред. Г.Д. Асланова и др.; ред. тома Н.П. Генералова, В.А. Кошелев, Г.В. Петрова. СПб.: Академический проект, 2002. 552 с.

Литература

12. *Беляева И.А.* Роман А.И. Герцена «Кто виноват?» и проблема счастья в русской прозе 1840-х годов // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2013. № 1. С. 38–44.
13. *Зезюлевич А.В.* В поисках идеала: сюжет о Пигмалионе в русской литературе переходных эпох // Revitalizacehodnot: umenia literatura: Kolektivni monografie. Brno: Tribun EU, 2013. С. 51–518.
14. *Козубовская Г.П.* Середина века: миф и мифопоэтика. Барнаул: БГПУ, 2008. 273 с.
15. *Молнар А.* Поэтика романов И.А. Гончарова. М.: Спутник+, 2004. 157 с.
16. *Назирова Р.Г.* О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. 408 с.
17. *Ходанен Л.А.* Миф в творчестве русских романтиков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. 320 с.

References*Istochniki*

1. *Baraty'nskij E.A.* Skul'ptor («Glubokij vzor vperiv na kamen'...») // Baraty'nskij E.A. Poln. sobr. stixotvorenij: v 2 t. T. 1. L.: Sov. pisatel', 1936. 226 s.
2. *Goncharov I.A.* Sobr. soch.: v 8 t. T. 8. M.: Gos. izd-vo xudozh. lit., 1952–1955. 576 s.
3. *Del'vig A.A.* Poln. sobr. stixotvorenij. M.–Augsburg: Im Werden–Verlag, 2002. 164 s.
4. *Dostoyevskij F.M.* Sobr. soch.: v 15 t. T. 13. L.: Nauka. Leningrad. otd., 1994. 544 s.
5. *Publij Ovidij Nazon.* Metamorfozy'. M.: Xudozh. lit-ra, 1977. 431 s.
6. *Polonskij Y.P.* Vestalka // Poln. sobr. stixotvorenij Y.P. Polonskogo: v 5 t. T. 1. SPb.: Izd. A.F. Marksa, 1896. S. 170–175.
7. *Polonskij Y.P.* Statuya // Poln. sobr. stixotvorenij Y.P. Polonskogo: v 5 t. T. 1. SPb.: Izd. A.F. Marksa, 1896. S. 30.
8. *Polonskij Y.P.* Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 4: Povesti i rasskazy'. SPb.: Izd.-e Zh.A. Polonskoj, 1896. 582 s.
9. *Russo Zh.-Zh.* Izbr. soch.: v 3 t. T. 1. M.: Gos. izd-vo xudozh. lit-ry', 1961. 852 s.
10. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch.: v 12 t. T. 3. M.: Xudozh. lit-ra, 1976. 389 s.
11. *Fet A.A.* Sobr. soch. i pisem: v 20 t. T. 1: Stixotvorenija i poemy' 1839–1863 g. / Pod obshh. red. G.D. Aslanova i dr.; red. toma N.P. Generalova, V.A. Koshelev, G.V. Petrova. SPb.: Akademicheskij proekt, 2002. 552 s.

Literatura

12. *Belyaeva I.A.* Roman A.I. Gercena «Kto vinovat?» i problema schast'ya v russkoj proze 1840-x godov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2013. № 1. S. 38–44.
13. *Zezyulevich A.V.* V poiskax ideala: syuzhet o Pigmalione v russkoj literature perexodny'x e'pox // Revitalizacehodnot: umenia literatura: Kolektivni monografie. Brno: Tribun YES, 2013. S. 511–518.
14. *Kozubovskaya G.P.* Seredina veka: mif i mifopoe'tika. Barnaul: BGPU, 2008. 273 s.
15. *Molnar A.* Poe'tika romanov I.A. Goncharova. M.: Sputnik+, 2004. 157 s.
16. *Nazirova R.G.* O mifologii i literature, ili Preodolenie smerti. Stat'i i issledovaniya razny'x let. Ufa: Ufinskij poligrafkombinat, 2010. 408 s.
17. *Xodanen L.A.* Mif v tvorchestve russkix romantikov. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 2000. 320 s.